

19. Kovačević M. *Srbijâ i Rusijâ 1878–1889. Od Berlinskog kongresa do abdikacije Kraylja Milana* [Serbia and Russia 1878–1889. From the Berlin Congress to Abdikacije Kraylyan Milano], 2003, 541 p.
20. Kurjak J., Popović-Obradović O., Šuković M. *Russia, Serbia, Montenegro*, 2000, 376 p.
21. Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, 1999, 514 p.
22. Mandić D. *Myths and Bombs: War, State Popularity and the Collapse of National Mythology*, 2008, pp. 25–54.
23. Masek M. *Milos Crnjanski's Homecoming to a Migrating National Family*, 2010, 476 p.
24. Mitani M. "From Serbia with Love: Verbal Representation of Russia in Serbian Society", 1996, 395 p.
25. *Russia: mythical ally*. Available at: www.helsinki.org.rs/doc/HB-No76.pdf (Accessed: 12.08.2008).
26. Sundhausen H. *Geschichte Serbiens*, 2003, 431 p.
27. Todorova M. *Imagining the Balkans*, 2009, 288 p.
28. Tolstoy, *Anna Karenina, part 8, chap. 1*, accessed August 1, 2012. Available at: <http://literature.org/authors/tolstoy-leo/anna-karenina/part-08/chapter-01.html> (Accessed: 12.08.2008).
29. Waiicki A. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu* [Russian philosophy and social thought from the Enlightenment to Marxism], 1973, 629 p.
30. Zieliński B. *Serbska powieść historyczna. Studia nad źródłami, ideami i kierunkami rozwoju* [Serbian historical novel. Studies on sources, ideas and development directions], 1998, 203 p.

«ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ» В РОССИИ И КИТАЕ НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Кашина Евгения Александровна, аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4

E-mail: kashina_evgenia@outlook.com

Представлен обзор концепции «власти-собственности» и связанных с ней подходов к оценке трансформационных процессов в нефтегазовой отрасли. Автором подчеркивается, что экономики и политические режимы России и Китая сензитивны к процессам, происходящим в энергетике, и для правительств обеих стран особое значение имеет поддержание энергетической безопасности. Большое внимание уделяется условиям транзита от социалистической экономики к рыночной. Поднимается вопрос распределения активов нефтегазового комплекса среди членов политической элиты, бывших политических деятелей, чиновников, либо аффилированных лиц и уполномоченных. Результаты анализа показали, что зачастую структура собственности отрасли является отражением конвертации символического капитала в активы ТЭК, а также неформального курирования отрасли. Определено, что характер и особенности конвертации власти в собственность определяются как национальной социокультурной спецификой, так и методологическими и идеологическими особенностями перехода к новым экономико-политическим системам. Показано, что не менее важную роль играют стимулы влиятельных акторов. Отмечено, что формирование групп интересов нефтегазового сектора и процессы распределения собственности сопровождаются неформальными практиками, нетранспарентностью выработки государственных решений и исключительностью общества.

Ключевые слова: власть-собственность, государственный капитализм, символический капитал, нефтегазовые компании, реформы, транзитивные экономики, группы интересов, энергетическая политика, Россия, Китай, нефтегазовые активы

“POWER-PROPERTY” IN RUSSIA AND CHINA: OIL AND GAS INDUSTRY EXAMPLE

Kashina Evgeniia A., postgraduate student

Lomonosov Moscow State University

27, build. 4 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119991, Russian Federation

E-mail: kashina_evgenia@outlook.com

Article provides an overview of the “power-property” concept and related theories which are closely describing industry business and authorities’ relations in transformation processes assessments. The author underlines sensitivity and dependency Russia and China in terms of their energy policy. The great attention is paid to the conditions of the transition from the socialist to the market economy in Russia and China. The issue of distribution of assets of the oil and gas complex among members of the political elite, former politicians and officials, or affiliated with them persons and commissioners was raised. The research results show current allocation of energy assets and are represented as consequences of stakeholders’ symbolic power. The features of the transition directly connected with ideological, methodological and socio-cultural specificities. Nevertheless,

the main findings revealed that in Russian and Chinese transition the crucial role in property structure change were played by the influential actors' incentives. It was pointed out that the oil and gas interest groups formation and the processes of property distribution are accompanied by informal practices, lack of transparency in decision-making process and the exclusion of society.

Keywords: power-property concept, state capitalism, symbolic capital, reforms, economy transition, State-owned enterprise (SOE), Russia, China, interest groups, energy policy, Oil and Gas assets

Существование института «власть-собственность» в России и Китае в нефтегазовом секторе наиболее ярко характеризует взаимопроникновение политических элит в экономику и экономического истеблишмента в ежедневные политические практики. По мнению ряда исследователей, энергетика имеет ключевое значение для экономик и бюджетов обеих стран на протяжении длительного времени [9, с. 6; 27, р. 5, 7]. Феномен политического контроля за собственностью на основе лояльности управляющего состава крупных корпораций в нефтегазовом комплексе не является исключительным, а лишь подтверждает закономерности, характерные и для некоторых других отраслей. Расчеты отечественных ученых показывают, что Россия и Китай, наряду с Чехией, лидируют по доле государственной собственности в национальной экономике [1, с. 44].

База данных Всемирного Банка свидетельствует о непрерывном росте использования энергии в Китае с 1975 г., и значительном ускорении потребления нефти на душу населения с 2000-х гг. по настоящее время. [27]. В такой же пропорции в 1990–2000-е гг. повышался энергодефицит КНР, росло влияние крупнейших национальных энергетических компаний внутри государства. На 2017 г., китайские CNPC и Sinopet занимали третью и четвертую строчки мирового рейтинга Global Fortune 500. Для сравнения, российская крупнейшая энергетическая компания ПАО «Газпром» занимает только 49-ю позицию в том же рейтинге.

В отличие от КНР оценивать российскую нефтегазовую зависимость следует не по показателям потребления, а исходя из мировой цены на нефть и доли нефтегазового экспорта в национальном бюджете. Россия является страной, наиболее уязвимой к колебаниям мировых цен на нефть и возможное снижение нефтяных цен в наибольшей степени отражается на РФ по сравнению с другими странами-экспортерами. Россия в графике визуализации Всемирного Банка занимает первое место по зависимости от нефтяных цен среди стран-экспортеров [28]. С 1997 г. по настоящее время Россия входит в тройку крупнейших поставщиков топлива на мировой рынок. Доля топливных энергоресурсов в российском экспорте варьировалась от 43–39 % в 1996 и 1998 гг. до 70–71 % в 2012–2013 гг. [27].

Энергетическая политика китайского правительства отвечала на вызовы экономических трендов. Тем не менее, несмотря на успешную экономическую деятельность, некоторые отраслевые решения правительства вызвали в китайском обществе и академической среде общественный резонанс, не менее острый, чем в России [4, с. 106, 108]. Причины негативных тенденций в энергетике России и КНР уходят корнями в особенности функционирования неформального института «власть-собственность». В обеих странах выработка решений происходит в условиях, когда ТЭК является одним из приоритетных направлений для части лиц, принимающих решения. Г. С. Дзиабаева и А. А. Амадаев выделяют в России особую подгруппу чиновников и руководства компаний с государственным участием [7, с. 1385].

В терминах «власти-собственности» предложили рассматривать проблему распределения экономических и финансовых ресурсов советские историки Л. С. Васильев и А. Я. Гуревич. В своих работах авторы ставили акцент на легитимацию. На примере древних восточных и феодальных западных обществ советские авторы показали, что обладание лидером сакральным правом распределять собственность исходя из личных предпочтений в таких обществах первоначально по сравнению с нормами права. При этом легитимный глава государства является гарантом владения собственностью. Право распоряжаться активами в таких обществах в большей степени зависит от положения субъекта в иерархической структуре общества, что обеспечивает возможность сосуществования сильного государства и лояльного бизнеса. В рамках данной теории современную Россию описывает достаточно широкий круг отечественных экономистов: Р. М. Нуреев, В. В. Вольчик, Ю. В. Латов, Н. М. Плискевич, Б. В. Салихов, И. С. Салихова, С. В. Цирель [17, с. 6–7].

Под другим углом проблему рассматривал французский социолог П. Бурдьё. В своей концепции он использовал идею символической власти, которая определяет не только политические, но и экономические отношения, лежит в основе происхождения экономического капитала и его перераспределения. Согласно П. Бурдьё собственники в этих условиях вовлечены в политический процесс и иерархическую структуру, а повседневные экономические практики сближаются с политическими [21, р. 54]. В практиках государственного управления влияние символического капитала проявляется в виде соединения альтруизма и стремления к социальному развитию с чистой воды личным интересом. По мнению сторонников концепции французского социолога, влияние символического капитала на экономические процессы является достаточным объяснением волюнтаризму и не всегда рациональным практикам агентов, что подтверждается практикой управления российской и китайской энергетикой [24, р. 632].

На Западе более распространенной для анализа института «власти-собственности» в России и Китае является концепция государственного капитализма, согласно которой в роли собственника экономических активов в условиях рыночной экономики выступает государство. По мнению руководителя исследовательского центра ИМЭМО РАН В.Б. Кондратьева [11], Китай и России следует отнести к системам, в которых государство прямо или косвенно управляет крупными корпорациями. На основании принятого в западной науке терминологии он выделяет предприятия с госучастием (SOE) и предприятия – «национальные чемпионы». Западный аналитик И. Бреммер [3] подчеркивает особое место энергетических компаний и Фондов национального благосостояния в хранении валютных доходов от продажи энергоресурсов. С помощью данного формата политическая элита имеет возможность поставить под контроль национальную энергетику и финансовые потоки.

Исторически нефтегазовая отрасль играла важную роль в экономиках обеих социалистических стран в 1970–1980-е гг. Во времена проведения политики реформ и открытости 1970–1980-х китайская нефтяная отрасль ускорила темпы роста. К 1994 г. нефтегазовая промышленность КНР выросла в 4 раза и составила 321,5 млрд юаней [16, с. 33]. В период активной индустриализации 2003–2011 гг. эти показатели выросли в 18 раз по сравнению с предыдущим периодом и достигли уже 5860 млрд юаней. Несмотря на значительное преобладание менее экологичного, более дешевого и доступного угля в энергобалансе Китая, с 2010-х гг. отмечается поворот в сторону нефти и газа как основных видов топлива [22, р. 4].

В СССР 1960–1980-х гг. нефть и газ попадали в тройку самых доходных статей экспорта и обеспечивали значительные валютные поступления, необходимые советской власти для закупок импорта [9, с. 2]. Ориентации партийной элиты на ТЭК как на лидера советского экспорта закрепилась в период скачка цен на нефть в ходе арабо-израильского конфликта 1973 г. Именно в период трех пятилеток с 1971 по 1985 гг. в нефтегазовую отрасль были направлены наиболее значительные инвестиции [23]. Несмотря на последующий за скачком мировых цен нефтяной кризис, нефтегазовый сектор в структуре ВВП СССР в 1988 г. составил максимальные 875 млрд руб. [5], по другим данным, был достигнут рекордный уровень добычи нефти, который составил 624 млн т [13]. После распада СССР только в 1996 г. топливные ресурсы восстановили свое значимое положение в структуре ВВП [29].

В советский период валютные поступления от топливно-энергетического сырья направлялись на покупку импорта в ущерб развитию рынка потребительских товаров. Развитие внутреннего производства потребительских товаров, могло быть запущено с либерализацией экономики в рамках проекта Косыгинских реформ 1966–1970 гг. [2, с. 88]. Тогда как Китай пошел по пути свернутых в России косыгинских реформ в период реформ и открытости (1978–1984) [18, с. 98]. Сворачивание экономических реформ в России стало индикатором окончательной ориентации советских элит на «легкую» валютную выручку и закрепление нефтегазовой промышленности в качестве базовой отрасли отечественной экономики.

Нефтегазовый комплекс России и Китая до реформирования полностью принадлежал государству, подчинялся Госплану в СССР и Комитету по контролю за госимуществом (SASAC) в КНР, а также профильным и связанным с ними ведомственными структурами. В России и в Китае многие руководители отраслевых предприятий имели доступ к принятию решений на высшем государственном уровне. В частности, руководитель газовой промышленности В. С. Черномырдин в конце 1980-х гг. входил в ЦК КПСС и принимал активное участие в его заседаниях [8, с. 67]. В правительстве КНР Премьер-министр Ли Кекьян

(Li Keqiang), являясь членом Политбюро, одновременно курирует энергетическую отрасль через свое председательство в национальном энергетическом комитете с 2013 г. по настоящее время и является одной из ключевых фигур китайского истеблишмента [19].

В обеих странах в период коммунизма был сформирован комплекс устойчивых государственных институтов, осуществлявших стратегическое планирование, управление и надзор за деятельностью нефтегазовой отрасли. В России ведомство по управлению НГК (Министерство нефтяной промышленности) в том или ином виде существовало с 1939–1957 гг. и 1964–1989 гг., с перерывом на реформу совнархозов 1957–1965 гг. В период ликвидации Министерства работала комиссия по химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР. Большинство высших руководителей отрасли были профильными специалистами, всю жизнь проработавшими в отрасли. Длительное время Министерством нефтяной промышленности руководил Н. К. Байбаков. В годы усиления нефтегазового лобби он дважды (в 1955–1957 гг. и 1965–1985 гг.) возглавлял ключевой орган управления советской промышленностью – Госплан СССР [6, с. 211].

В современной России управляющим органом с формальной точки зрения является действующее с 2008 г. Министерство энергетики, которое обладает функциями надзора, консультирования и подчиняется правительству РФ. В силу того, что значимые отраслевые министерства, отвечавшие за развитие отрасли подверглись распаду и были преобразованы в частные компании в начале 1990-х гг. Министерство энергетики возникло на базе не Министерства энергетики и электрификации, занимавшееся в СССР в 1969–1991 гг. исключительно вопросами электроэнергетики и не имевшего до рыночных реформ никаких полномочий по управлению нефтегазовым комплексом.

Похожую ситуацию можно наблюдать с отраслевым министерством КНР. По оценкам западного исследователя китайской энергетической политики Дж. Наруса, именно в управлении китайским ТЭК прослеживается наибольшая слабость государственных институтов. Исследователь характеризует современную китайскую бюрократию с точки зрения управления нефтегазовыми компаниями как слабую и фрагментированную. В разрез с общими закономерностями управления китайской экономикой влияние нефтегазовых корпораций превосходит возможности государственных институтов, что позволяет им играть ведущую роль в отношениях с государством [22, р. 43]. При этом менеджмент ведущих нефтегазовых корпораций Китая можно считать влиятельнее отраслевых государственных институтов, но слабее высшего китайского руководства, что вписывается в логику института «власти-собственности».

Результаты исследования Д. Законного и И. Урпелайнена [25, р. 1399] показали, что приватизация нефтегазовых активов в России и Китае имела масштабный характер и кардинально поменяла структуру собственности на нефтяном рынке в период реформ (1988–2008 гг.). Вследствие разницы путей развития Китай значительно отличался от России по количеству приватизированных нефтяных активов (7 фирм против 34). В связи с этим, можно предположить, что приватизация нефтяной отрасли контролировалась китайским правительством, тогда как российский транзит отличался хаотичностью.

На современном этапе государство доминирует в структуре собственности китайских нефтегазовых компаний: от 100 % в CNPC и State Grid до 75,5 % в Sinopec и 70 % в CNOOC [20]. В России государственные доли в крупнейших нефтегазовых компаниях находятся на уровне 50,23 % в ПАО «Газпром» и 50 % в ПАО «Роснефть» по состоянию на 06.09.2018. Несмотря на расхождение в структуре собственности энергетических активов российский и китайский случаи представляются во многом аналогичными в плане генезиса крупнейших компаний отрасли. Китайская компания по эксплуатации морских нефтяных ресурсов CNOOC, подобно российским ПАО «Газпром», ПАО «Роснефть» и ПАО «Лукойл»¹, сформировалась на базе министерства нефтяной промышленности в 1982 г.

¹Похожую траекторию конвертации капиталов в нефтегазовом комплексе можно проследить на примере заместителя министра нефтяной промышленности СССР В. И. Грайфера, который параллельно значился начальником крупнейшего предприятия Западной Сибири «Главтюменьнефтегаз» в 1985–1992 гг. В постсоветской России бывший чиновник стал Председателем Совета Директоров с 2000 г. и исполнительным директором по научно-техническому прогрессу и экологии ПАО «Лукойл» в 1992–2000 гг., а также с 1992 г. по настоящее время генеральным директором и председателем Совета директоров АО «Ритэк» (инновационная компания, в собственности ПАО «Лукойл» на 2018 г. 92 % акций). Данные с сайта компании «Лукойл».

С точки зрения перехода собственности из-под государственного управления в управление частных лиц приведем пример последнего министра нефтяной промышленности В. А. Динкова в 1985–1989 гг. и министра газовой промышленности в 1981–1985 гг., члена ЦК КПСС, чьи полномочия были конвертированы в материальные активы. Процедура закрепления значимого в СССР символического капитала (должности профильного министра) в виде экономического капитала в постсоветской России (создание ООО «СЖС-Энергодиагностика»), вхождение в Совет директоров «Газпрома» и получение контроля над крупнейшими отраслевыми проектами («Голубой поток», «Сахалин-2», Каспийский трубопроводный консорциум, тендерный комитет Газпрома по строительству трубопровода «Ямал – Европа») стала широко распространенной практикой [13]. В КНР за счет сохранения государственного строя и идеологии подобные схемы конвертации капиталов были применены с помощью системы патронажа в том числе в период «лжеакционеризации» [18, с. 52].

Система энергетических министерств в КНР была ликвидирована раньше российской 1988 г и преобразована в Китайскую национальную нефтегазовую корпорацию CNPC. Крупнейшие энергетические компании Китая пользовались правительственными льготами и значительно расширили свою автономию в период создания «современной системы предприятий» в 1995–2002 гг. и вступления в силу «закона о корпорациях» 1995 г. [10, с. 80]. В России демонтаж плановой экономики и принятие законов «О государственном предприятии» и «О кооперации» осуществилось существенно раньше, в 1987–1988 гг. В КНР закон был призван решить проблему нерентабельности госпредприятий путем увеличения размеров прибыли, которая могла остаться в распоряжении корпорации. Для крупных госпредприятий, в числе которых были энергетические компании, снижался подоходный налог, а часть уплаченного налога возвращалась обратно предприятию для пополнения оборотных фондов.

Как следствие в период реформирования с потерей отраслевых министерств российский нефтегазовый комплекс утратил систему долгосрочного планирования и подотчетности государству на базе формальных институтов. Механизмом контроля стали встречи с главой государства, совещания в правительстве и консультации в рамках правительственной и президентской комиссий по ТЭК. В попытках институционализации после избрания В. В. Путина на третий срок президентства в 2012 г. при Администрации Президента была организована комиссия по стратегическому развитию ТЭК, председателем которой был назначен В. В. Путин, а секретарем глава «Роснефти» И. И. Сечин [14]. Создание комиссии закрепило за президентом роль арбитра в экономических разногласиях энергетических корпораций и его высшее положение в иерархии системы «власть-собственность», легитимирующее сложившийся формат владения собственностью в ТЭК.

В КНР для решения проблемы неэффективности государственной энергетической политики в разное время были созданы специальные контролирующие ведомства: Государственная энергетическая комиссия (1980–1982 гг.), Министерство энергетики (1988–1993 гг.), Энергетическое бюро (2003–2008 гг.), Национальная энергетическая администрация (с 2008 г.), Национальная энергетическая комиссия (с 2010 г.) [22, р. 43]. Тем не менее, статус комиссий и агентств, контролирующих отрасль формально ниже министерского и неформально ниже корпоративного. В настоящее время китайские энергетические компании имеют свои исследовательские институты, десятки тысяч сотрудников, возможности прямого доступа к руководству КНР и являются полноценными группами интересов в китайской политике [22, р. 47].

В период с XI до XII пятилетки (2006–2010 и 2011–2015 гг.) госкорпорации КНР становились акционерными обществами, акции выкупались топ-менеджерами госкомпаний. Парадоксальность государственной собственности на средства производства в КНР на настоящем этапе в рамках системы «государственных предприятий нового типа» (ГПНТ) заключается в минимальном участии государства в функционировании государственных предприятий [12, с. 141–143]. Основные предприятия нефтегазового сектора входят в группу ГПНТ, управление которой осуществляется топ-менеджментом компаний, а не государственными структурами.

В России приватизация нефтяного и газового секторов, превращение министерств частные компании наряду с потерей эффективных институтов управления отраслью привела к значительному падению статуса министерства как института управления нефтегазовой промышленностью, в том числе к потере механизмов государственного управления отраслью на базе формальных институтов, исчезновению ее общенародного назначения и возникновению отраслевых групп интересов. В результате нефтегазового транзита от государственного сектора к частному произошло возвышение роли топ-менеджмента компаний и повышение зна-

чимости его прямых контактов с правительством и администрацией президента с целью согласования интересов государства и нефтегазового бизнеса.

В заключение отметим, что в российском и китайском случаях прослеживаются общие черты управления нефтегазовым комплексом и наличие отраслевых групп интересов. Для обеих стран характерно доминирование государства и высокая степень неформального контроля над корпоративным сектором в энергетике. Успешность функционирования корпораций определяется политическими связями топ-менеджмента и их персональным авторитетом в политике.

Список литературы

1. Абрамов, А. Е. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика / А. Е. Абрамов, И. В. Аксенов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова // *Экономическая политика*. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 36–69.
2. Бабкина, Н. М. Механизм отбора предприятий для внедрения новой системы планирования и экономического стимулирования в экономической реформе 1965 г. в СССР / Н. М. Бабкина // *Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление*. – 2017. – № 3. – С. 88.
3. Бреммер, И. Государственный капитализм достиг совершеннолетия / И. Бреммер // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – № 3. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13202, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Вэй У Цзы. Анализ отношений между государственными нефтяными корпорациями и правительством в современном Китае / У Цзы Вэй // *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. – 2010. – № 3. – С. 102–113.
5. Виновата ли нефть? Крах СССР: причины истинные и мнимые. Интервью с С. Г. Кара-Мурзой. 25.10.2017. – Режим доступа: <http://newsland.com/community/129/content/vinovata-li-neft-krakh-sssr-prichiny-istinnye-i-mnimye-vypusk-1/3673022>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991. Историко-биографический справочник / сост. В. И. Ивкин. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 637 с.
7. Дзиабаева, А. А. Амадаев // *Экономика и социум*. – 2017. – № 1–2 (32). – С. 1380–1395.
8. Донин, А. Н. «Газпром» от министерства к государственному газовому концерну / А. Н. Донин, А. Н. Николаев // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. – 2016. – № 2. – С. 66–70.
9. Ермолаев, Сергей. Формирование и развитие нефтегазовой зависимости Советского Союза. Московский Центр Карнеги. Май 2017. / Сергей Ермолаев. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/CP_Ermolaev_2017_Rus_web.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Кубышина, Г. А. Власть и преобразование государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия) / Г. А. Кубышина. – Москва : Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. – 223 с.
11. Кондратьев, В. Б. Государственный капитализм на марше / В. Б. Кондратьев // *Перспективы. Электронный журнал*. 24.08.2012. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/gosudarstvennyj_kapitalizm_na_marshe_2012-08-24.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Муромцева, З. А. Государственные предприятия КНР: реформы и развитие / З. А. Муромцева, Шао Жань. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 141–143.
13. Василий Александрович Динков. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/history/people/dinkov>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Путин, В. В. Образована Комиссия при Президенте по стратегическому развитию ТЭК и экологической безопасности / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15656>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 20–32.
16. Цзысинь, Хэ. Минерально-сырьевая база Китая / Хэ Цзысинь, Чжан Даньдань, Лю Минь, Ли Цзянсин. // *Горный журнал*. – 2017. – № 7. – С. 33–41.
17. Цирель, С. В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов / С. В. Цирель // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 3. – С. 119–131.
18. Юнган, Чжан. Модели взаимоотношений крупного бизнеса и власти в России и Китае: сравнительный анализ / Чжан Юнган. – Санкт-Петербург, 2008.
19. Cheng, Li. China's new top government leaders. Brookings Think tank. March 18 2018 / Li Cheng. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/interactives/chinas-new-top-government-leaders>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
20. Fortune Global 500. – Режим доступа: <http://fortune.com/global500>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
21. Lebaron Frederic. The symbolic basis of economic life. Chapter 4. in Asimina Christoforou and Michael Lainé (eds.), *Re-Thinking Economics: Exploring the Work of Pierre Bourdieu* / Frederic Lebaron. – Oxford : Routledge, 2014.

22. Narus, Joseph John. Coal to Oil in China: scientific development or crossing the river by feeling the stones? – Portland University, 2000.
23. Redetzki Michail. USSR energy exports post-perestroika survey of prospects and issues / Michail Redetzki // *Energy policy*. – May 1991. – Vol. 19, issue 4. – P. 291–302.
24. Svendsen Gunnar, L. H. How do private entrepreneurs transform local social capital into economic capital? Four case studies from rural Denmark / L. H. Gunnar Svendsen, Chris Kjeldsen, Egon Noe // *The Journal of Socio-Economics*. – 2010. – Vol. 39, issue 6. – P. 631–644
25. Szakonyi, David. Veto players and the Value of Political Control. A Theory with evidence from Energy Privatization / David Szakonyi, Johannes Urpelainen // *Comparative Political Studies*. – 2014. – Vol. 47, issue 10. – P. 1384.
26. Zhou Peng. China's Energy Import Dependency / Zhou Peng. – Режим доступа: <http://esi.nus.edu.sg/docs/event/zhou-peng.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
27. World Bank Statistics on Russia and China. Oil Consumption and Fuel Export Indicators. Available at: data.worldbank.org, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
28. World Bank. Which countries could be affected by plunging oil prices: a data perspective. – Режим доступа: <http://blogs.worldbank.org/opendata/which-countries-could-be-affected-plunging-oil-prices-data-perspective>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
29. World Bank. Statistical Visualization. – Режим доступа: <http://wits.worldbank.org/visualization/detailed-country-analysis-visualization.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

References

1. Abramov A. Ye., Aksenov I. V., Radygin A. D., Chernova M. I. State-owned enterprises in the Russian Market: ownership structure and their role in the economy. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, issue 1,
2. Babkina N. M. Mechanizm otbora predpriyatiy dlia vnedreniya novoy sistemy planirovaniya i ekonomicheskogo stimulirvaniya v ekonomicheskoy reforme 1965 g. v SSSR [The firms selection mechanism of new planning system implementation and economic encouraging in reform of the 1965 in USSR]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21 "Upravlenie"* [Moscow University Bulletin. Series 21 "Governance"], 2017, no. 3, p. 88.
3. Bremmer I. *Gosudarstvenniy kapitalizm dostig sovershennoletiya. 2009 g.* [State Capitalism has reached its Adulthood, 2009]. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13202.
4. Vei U Tszy. Analiz otnoshenii mezhdru neftianymi korporacijami i pravitel'stvom v sovremennom Kitaye [State Oil Companies and China Government relations analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13 "Vostokovedenie"* [Moscow University Bulletin. Series 13 "Oriental Studies"], 2010, no. 3, pp. 102–113.
5. *Vinovata li neft? Krakh SSSR: prichiny istinnye i mnimye. Interviu s S.G. Kara-Murzoi. 25.10.2017.* [Does Oil guilty? The Collapse of the USSR: reasons real and imaginary. 25.10.2017]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/576929&full>.
6. Ivkin V. I. *Gosudarstvennaya vlast SSSR. Vysshie organy vlasti i upravleniya i ikh rukovoditeli 1923–1991. Istoriko-biograficheskiy spravochnik* [State power of the USSR. The highest authorities and their heads 1923–1991. Historical and biographical reference book]. Moscow. ROSSPEN Publ., 1999, 637 p.
7. Dziabayeva G. S., Amadayev A. A. Politicheskoye vliyaniye Rossii na korporatsiyu neftegazovogo kompleksa [The political influence of Russia on the corporation oil and gas complex.]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and society], 2017, no. 1–2 (32), pp. 1380–1395.
8. Donin A. N., Nikolaev A. N. "Gazprom" ot ministerstva k gosudarstvennomu gazovomu kontsernu [Gazprom from the ministry to the state gas corporation]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Saratov State Socio-Economic University Bulletin], 2016, no. 2, pp. 66–70.
9. Ermolaev Sergei. *The formation and evolution of Soviet Union's Oil and Gas dependence. Carnegie Working Paper.* March 29 2017. Available at: <https://carnegieendowment.org> (Accessed: 09.06.2018).
10. Kubyshina G. A. *Vlast i preobrazovaniye gosudarstvennoy sobstvennosti v stranakh Vostochnoy Azii (Kitay, Respublika Koreya, Mongoliya)* [Power and transformation of state property in the countries of East Asia (China, Republic of Korea, Mongolia)]. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Publ., 2000, 223 p.
11. Kondratev V. B. *Gosudarstvennyy kapitalizm na marshe* [State Capitalism is rising]. 24.08.2012. Available at: http://www.perspektivy.info/book/gosudarstvennyj_kapitalizm_na_marshe_2012-08-24.htm.
12. Muromtseva Z. A., Shao Zhan. *Gosudarstvennyye predpriyatiya KNR: reformy i razvitiye* [State enterprises of China: reform and development]. Moscow, IFES RAS, 2017, pp. 141–143.
13. *Vasiliy Aleksandrovich Dinkov.* Available at: <http://www.gazprom.ru/about/history/people/dinkov/>.
14. Putin V. V. *Obrazovana Komissiya pri Prezidente po strategicheskomyu razvitiyu TEK i ekologicheskoy bezopasnosti* [The Presidential commission on Fuel, Energy and Environmental Safety has been established]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/15656>.
15. Radayev V. V. *Ponyatiye kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya* [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2003, no. 2, pp. 20–32.
16. Tszysin Khe, Dandan Chzhan, Mini Lyu, Tszysansin Li. *Mineralno-syrevaya baza Kitaya* [Mineral resources base of China]. *Gornyy zhurnal* [Mining Journal], 2017, no. 7, pp. 33–41.

17. Tsirel S. V. "Vlast-sobstvennost" v trudakh rossiyskikh istorikov i ekonomistov ["Power-property" in the works of Russian historians and economists]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2006, no. 3, pp. 119–131.
18. Yungan Chzhan. *Modeli vzaimootnosheniy krupnogo biznesa i vlasti v Rossii i Kitaye: sravnitelnyy analiz* [Models of relationships between large business and government in Russia and China: a comparative analysis]. St. Petersburg, 2008.
19. Cheng Li. *China's new top government leaders*. *Brookings Think tank*. March 18 2018. Available at: <https://www.brookings.edu/interactives/chinas-new-top-government-leaders/>.
20. *Fortune Global 500*. Available at: <http://fortune.com/global500/>.
21. Lebaron Frederic. *The symbolic basis of economic life. Chapter 4. in Asimina Christoforou and Michael Lainé (eds.). Re-Thinking Economics: Exploring the Work of Pierre Bourdieu*. Routledge, 2014.
22. Narus Joseph John. *Coal to Oil in China: scientific development or crossing the river by feeling the stones?* Portland University, 2010.
23. Michail Redetzki. USSR energy exports post-perestroika survey of prospects and issues. *Energy policy*, vol. 19, issue 4, May 1991, pp. 291–302.
24. Svendsen Gunnar Lind Haase, Chris Kjeldsen, Egon Noe. How do private entrepreneurs transform local social capital into economic capital? Four case studies from rural Denmark. *The Journal of Socio-Economics*, December 2010, vol. 39, issue 6, pp. 631–644.
25. Szakonyi David, Urpelainen Johannes. Veto players and the Value of Political Control. A Theory with evidence from Energy Privatization. *Comparative Political Studies*, 2014, vol. 47, issue 10, p. 1384.
26. Zhou Peng. *China's Energy Import Dependency*. Available at: <http://esi.nus.edu.sg/docs/event/zhoupeng.pdf>.
27. *World Bank Group Statistics on Russia and China. Indicators on Oil consumption and Oil export*. Available at: data.worldbank.org
28. *World Bank. Which countries could be affected by plunging oil prices: a data perspective*. Available at: <http://blogs.worldbank.org/opendata/which-countries-could-be-affected-plunging-oil-prices-data-perspective>.
29. *World Bank. Statistical Visualization*. Available at: <http://wits.worldbank.org/visualization/detailed-country-analysis-visualization.html>.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОЛЕМ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аристов Антон Викторович, старший преподаватель
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
Российская Федерация, 119049, г. Москва, Ленинский пр-т, 4
E-mail: anton.aristov@gmail.com

Рассмотрены объект и предмет государственной информационной политики, а также обоснован тезис о том, что управление информационным полем является неотъемлемой составляющей системы функций государственной информационной политики.

Ключевые слова: информационная политика, информационные отношения, государственная политика, информационное поле, политический процесс, информационное пространство, информационные ресурсы, информационная культура, общество, имидж, функция

INFORMATION FIELD MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF THE STATE INFORMATION POLICY FUNCTIONS

Aristov Anton V., Senior Lecturer
National University of Science and Technology MISIS
4 Leninsky Ave., Moscow, 119049, Russian Federation
E-mail: anton.aristov@gmail.com

In the framework of this article the author considers the object and the subject of the state information policy and also substantiates the thesis that the management of the information field is an integral part of the state information policy functions system.

Keywords: information policy, information relations, state policy, information field, political process, information space, information resources, information culture, society, image, function

Экстраполируя положения закона разнообразия систем Эшби на проблематику государственного администрирования и государственной политики, появление какого-либо нового вида деятельности в этой сфере можно объяснить усложнением или развитием всего спектра